

5. *Ицкович Т. В.* Православная проповедь как тип текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

6. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016.

7. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

8. *Матвеева Т. В.* Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста // Русский язык сегодня. 2000. № 1. С. 322–329.

9. *Матвеева Т. В.* По средней линии // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1 (1). С. 153–164.

10. *Матвеева Т. В.* Лингвистика текста и аксиология разговорного диалога // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург : Ажур, 2019. С. 40–42.

Бортников В. И.

доцент

Васильева А. Н.

магистрант

Удинцева Я. О.

магистрант

ЭКВИРИТМИЧНОСТЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ LXXIV СОНЕТА ШЕКСПИРА: К ПРОБЛЕМЕ СТИХОВОГО РАЗМЕЩЕНИЯ МЕТАФОР СМЕРТИ*

Текстовая категория (ТК) определяется в современных научных изданиях как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определённой части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [Матвеева 2014: 669]. Из четырёх параметров описания текстовой категории: «а) набора языковых составляющих; б) комбинаторики языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения ТК; в) размещения сигналов ТК в пространстве текста; г) текстовой значимости различных типов языковых составляющих (определяется на основании частотности типов, а также их представленности в сильных позициях текста)» [Купина, Матвеева 2013: 118] наибольшую проблему при количественном (стилостатистическом и т. д.) анализе представляет размещение. Если набор, комбинаторика и сильные пози-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

ции поддаются элементарному арифметическому подсчёту, то для количественной интерпретации размещения приходится вводить дополнительный субпараметр. В диссертации В. И. Бортникова [2015] таким субпараметром стали именно сильные/слабые позиции, совпадающие либо не совпадающие в оригинале и переводе. В рамках данного доклада, также связанного с поэтическим переводом (т. е. художественной интерпретацией стихотворного произведения на другом языке), предлагается определять размещение на основе стихотворного метра – «самой общей схемы звукового ритма стиха, т. е. предсказуемого появления определённых звуковых элементов на определённых позициях» [Гаспаров 1987: 219].

Введём понятие эквиритмичности. Если эквиритмия – «точная передача переводчиком ритмических особенностей каждого отдельного стиха перевода» [Словарь иностранных слов 1983: 572], т. е. переводческая стратегия, то эквиритмичность – характеристика самого перевода, степень сохранения в нём ритмических позиций каждого отдельного значимого элемента. Определение эквиритмичности перевода оригиналу позволяет разграничить «размещение» и «представленность языковых составляющих в сильных позициях» (см. выше). В самом деле, сильные позиции стихотворного произведения (как и любого другого) – это начало и конец речевого отрезка (предложения, строки, строфы, целого текста), заголовок и т. д.; размещение же слова или иной единицы речи в том или ином ритмически предсказуемом месте (в случае со стихом – в той или иной стопе) может быть сильным или слабым, т. е. находится с предыдущим параметром в отношениях пересечения. Думается, что это разграничение распространяется и на нестихотворные речевые произведения: по словам Т. В. Матвеевой, «вся наша речь подчинена законам ритма. Ритмические, а точнее, ритмомелодические средства способны самостоятельно служить прагматическим целям говорящего, нести в себе психологические смыслы, передавать нюансы состояния коммуниканта и его отношения к собеседнику» [Матвеева 2014: 503].

Материалом для эквиритмического анализа послужил LXXIV сонет У. Шекспира, известный в истории и теории перевода двумя фактами: это один из немногих сонетов, переведённых на русский язык Б. Пастернаком (и единственный переведённый им после войны) [Первушина 2004], и это сонет, на примере которого Л. С. Бархударов одним из первых продемонстрировал возможность текстовой эквивалентности, правда, на уровне-языковых основаниях [Бархударов 1969: 8–9].

Тема выбранного сонета – нетленность поэтических произведений в отличие от быстротечности жизни и смертности поэта: *В моих стихах вернусь я к жизни снова, / И в памяти останусь я с тобой* (пер. М. Чайковского). Текст-

вая категория темы репрезентируется через субъектные цепочки «я» и «ты» (лирического субъекта и адресата – как и во многих других сонетах) и предметные цепочки «творений» и «смерти». В логике поэтических иносказаний номинации обоих предметов речи выявляются крайне трудно: о «стихотворениях» поэт говорит лишь в стихах 3–5 оригинала, после чего переходит к мысли о живущем в них духе (англ. *spirit*) и о крайне скудных *останках жизни* (*dregs of life*), сохраняющихся помимо лирических произведений. Воспользуемся, однако, замечанием И.А. Русовой о том, что, «как показывает специальный анализ, для Шекспира особенно характерно использование в сонетах морбиальных метафор» [Русова 2007: 86], т. е. метафор, включающих компонент смерти (в качестве сопоставляемого или объекта сопоставления). Упоминание о смерти может быть м е т а ф о р и ч е с к и м, а значит, и тематическая цепочка, и тематическое поле «смерть» оказываются куда более широкими, чем просто прямые номинации типа *dead* («мёртвый») и подобные.

Именно это поле, включающее метафорические номинации смерти, и было подвергнуто эквиритмическому анализу в переводах С. Маршака, М. Чайковского, А. Финкеля и Б. Пастернака. Ниже приведена модель сопоставления.

Приведём первые две строки сонета с разметкой ритма (/ – обозначение ударного слога, – безударного; дефисы указывают на разрывы внутри слов):

<u>But</u>	<u> / </u> <i>be</i>	<u>con-</u>	<u> / </u> <i>ten-</i>	<u>ted</u>	<u> / </u> <i>when</i>	<u>that</u>	<u> / </u> <i>fell</i>	<u>ar-</u>	<u> / </u> <i>rest</i>
<u>With-</u>	<u> / </u> <i>out</i>	<u>all</u>	<u> / </u> <i>bail</i>	<u>shall</u>	<u> / </u> <i>car-</i>	<u>ry</u>	<u> / </u> <i>me</i>	<u>a-</u>	<u> / </u> <i>way...</i>

Идею смерти здесь передают речевые отрезки *that fell arrest* (букв. ‘тот арест упадёт’) и *shall carry me away* (букв. ‘унесёт меня прочь’). У каждого из них есть свой ритмический рисунок (у первого: / / , у второго: / / /).

Попытка поиска аналогов во всех четырёх переводах даёт следующие результаты (полужирным выделены соответствия английским речевым отрезкам, передающим идею смерти):

(1) Когда меня **отправят под арест**

Без выкупа, залога и отсрочки... (пер. С. Маршака)

(2) Покоен будь. Когда **приказ суровый**

Бесследно **унесёт меня долой**... (пер. М. Чайковского)

(3) Но не ротици, когда **последний суд**

Меня засудит, не дав мне отсрочки... (пер. А. Финкеля)

(4) *Но успокойся. В дни, когда в острог*
Навек я смерть буду взят под стражу... (пер. Б. Пастернака)

Во всех переводах, кроме (1), переданы оба речевых отрезка, причём в переводе (4) вербализовано понятие *смерть*. В переводе (1), таким образом, эквиритмичность рассчитывается лишь по первому отрезку и составляет 25 % (схема $\underline{\quad} \quad \underline{\quad}$ увеличена ровно вдвое, т. е. сохранена на 50 %, которые усредняются с 0 % несохранённого второго отрезка). В переводе (2) *приказ суровый* эквиритмично *fell arrest* на 3/5 (60 %), а *унесёт меня долой* по отношению к *shall carry me away* – на 6/7 (т. е. на ≈85,71 %). В переводе (3) первый отрезок эквиритмичен оригиналу на 3/4 = 75 %, а второй – на 5/6 (т. е. на ≈83,33 %). В переводе (4) эквиритмичность сильно страдает из-за укорочения первого отрезка (на 1/3, т. е. на ≈33,33 %) и удлинения второго (на 2/6, т. е. на те же ≈33,33 %). Однако при удлинении эквиритмичность рассчитывается, как и в предыдущих случаях, путем деления исходного числа слогов на итоговое и составляет, таким образом, 6/8 = 75 %.

По каждому переводу данные можно усреднить, как это сделано в первом случае. Наиболее эквиритмичным по категории темы для данных двух строк оказывается, таким образом, перевод А. Финкеля, что ещё раз показывает: параметр эквиритмичности не зависит напрямую от перестановок в границах одного стиха.

Полученные данные в ходе анализа всего сонета по всем категориям, естественно, дадут более точные результаты, что и планируется интерпретировать в ходе доклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод (на материале перевода с английского языка на русский) // Тетради переводчика. Вып. 6. М. : Межд. отн., 1969. С. 3–12.
2. Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
3. Гаспаров М. Л. Метр // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 219–220.
4. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013.
5. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2014. С. 669–671.

6. Матвеева Т. В. К вопросу о коммуникативной многозначности ритмо-мелодических речевых единиц // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Л. А. Закс, Л. А. Мясникова, А. П. Семитко и др. Екатеринбург : Гум. ун-т, 2014. С. 503–506.

7. Первушина Е. А. О принципе драматизма в поэтическом переводе Б. Пастернака 74-го сонета Шекспира // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17). С. 108–114.

8. Русова И. А. Концептуальные метафоры в сонетах В. Шекспира и их переводах на русский язык // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 15 (87). С. 86–88.

9. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стер. / [гл. ред. Ф. Н. Петров]. М. : Рус. яз., 1983.

Вепрева И. Т.
профессор

УБЕЖДЕНИЕ, УГОВОРЫ, УГРОЗЫ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ: ИЛИ КАК МАТЕРИ УГОВАРИВАЮТ РЕБЕНКА ПОЕСТЬ*

Для общения взрослого с ребенком обычно характерен асимметричный речевой контакт: взрослые стремятся всегда управлять его поведением, передавая младшим членам семьи свой жизненный опыт. Общение взрослого с ребенком характеризуется определенным репертуаром речевых жанров, которые могут быть объединены императивной тональностью взрослой речи [Никитина, Данилова 2014].

Выбранный объект исследования – речевое поведение взрослых (матери, бабушки, няни) в типичной повседневной ситуации кормления ребенка [Kahari 2013]. Проблема пищевого насилия – принудительного закармливания детей – проблема психологического характера, которая кроется в сложившихся предрассудках взрослых. Она серьезно рассматривается в специальной литературе, и современный подход к проблеме формирует в сознании современных родителей новую пищевую культуру ребенка. Но мы, не затрагивая психологических аспектов данной ситуации, обратимся к анализу знакомых каждому носителю языка фраз, которые произносят настойчивые родители. Этот набор типовых высказываний укладывается в рамки трех жанровых разновидностей, вынесен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».